

22 АВГ 42

Александр ТАИРОВ

Обер-фюрер и его „миссия“

1.

Пройдя огнем и мечом значительную часть Европы, вызвав проклятие всего свободомыслящего человечества, Гитлер, кавав предательским образом на нашу страну, постарался, верный своему подлому обыкновению, прикрыть этот новый разбойничий акт соответствующим фигурным листком — новой «идеологической платформой»: он прокламировал «крестовый поход против коммунизма в борьбе за европейскую цивилизацию и культуру».

Гитлер — и цивилизация! Гитлер — и культура! Что может быть циничнее такого сопоставления!

Гитлер, прокламировавший себя, «освободителем человека от насилия разума и суверенитета мысли», заявив, что сознание — это «обрезание, калечение человека».

Развивая впоследствии этот тезис своего обер-фюрера, его министр Руст пишет: «Интеллект! долой это слово, ни один немец не хочет иметь интеллекта». А берлинский «профессор» Адольф Боймлер без всяких обиняков декларирует «замену типа учебного типа солдата».

Фашистские идеологи утверждают, что первую империалистическую войну Германия проиграла потому, что немцы были «слишком образованы». В связи с этим образование в подлинном смысле этого слова изгнано из фашистской школы. «Бокс должен быть в школе впереди науки», — утверждают фашистские педагоги, а Гитлер требует от германского юноши, чтобы он был «силен и зол, как молодой пес». И, действительно, вся система воспитания и образования в фашистской Германии построена таким образом, чтобы воспитывать псов, а не людей. Недаром Гитлер, по его собственному признанию, освободил германскую расу не только от насилия разума, но и «от проклятого предрасудка совести».

В 1934 году в Германии вступил в силу закон о насильственной стерилизации. К концу 37-го года стерилизации подверглось свыше миллиона человек. И все же это неслыханное злодейство бледнеет перед той **духовной стерилизацией**, которой подверг Гитлер всю немецкую молодежь.

Пресловутый профессор Бонзе ставит перед фашистской «наукой» психологии в качестве главной задачи «научную организацию похода лжи в предстоящей войне». Вот в этой «науке» лжи, демagogии, неоправданных посулов Гитлер, Геббельс и Геринг действительно не знают соперников.

Освобождение человека от совести и разума, замена семьи случайными пунктами, замена типа учебного типа солдата, физическая и духовная стерилизация — вот та «европейская цивилизация и культура», в борьбе за которую Гитлер предпринял свой «крестовый поход против коммунизма!»

Завоевать нашу страну, уничтожить нашу свободу, независимость, культуру, искусство, всю творческую жизнь нашего народа, превратить свободных советских людей в современных рабов — вот та непосильная «миссия», которую возложил на свои арийские плечи фашистский обер-фюрер!

«Северная раса водрузит свое знамя на развалинах мира и превратит весь культурный мир в дым и пепел», — так формулирует «миссию» фашизма один из его «идеологов» Эрнст Бергман. Эту миссию с упоением выполняют все фашистские фюреры и их орды.

Расправа с культурой началась, когда гитлеровцы пришли к власти и когда в качестве пролога, по геростратовой инициативе все того же Геббельса, под торжественные звуки фанфар, на оперной площади Берлина 10 мая 1933 года было устроено позорное автодафе. За три месяца до костра Германии было сожжено свыше миллиона книг.

Всюду, куда вместе с коричневым навозом на своих эфрейторских каблучках приносил Гитлер «новую европейскую культуру» — в Австрию, в Польшу, в Чехословакию, как и в Париже — полыхали эти изуверские костры, пожирая десятки миллионов прекрасных книг, в которых бились чувства и мысль настоящей человечности и культуры. Черным позором стелется дым от этих костров над всей гитлеровской Германией, и никаким фашистским заклинателям и алхимикам не рассеять его, пока не будет уничтожен фашизм.

2.

Небывалое падение переживает в Германии искусство. В догитлеровский период в области театральной культуры Германия занимала видное место и по уровню своего режиссерского и актерского мастерства, и по творческим исканиям, и по качеству репертуара. Сейчас почти все талантливые артисты и режиссеры давным-давно покинули гитлеровскую мельбому, а творческие искания квалифицируются, как государственное преступление; что же касается уровня репертуара, то о нем можно судить хотя бы по тому, что теперь, наконец, увидели свет рампы пьесы таких пресловутых драматургов, как Иосиф Геббельс и Бенито Муссолини.

Без остатка разгромлена и германская кинематография; «духовная шагистика» или «марширующий дух» и прочая геббельсовская «пропаганда», которая, по определению Гитлера, должна уметь «превратить рай в ад и наоборот», — вот та «высшая форма арийской кинематографии», которая культивируется фашистами.

Для характеристики положения пластического искусства и вообще «творческой свободы» в фашистской Германии представим слово «художнику-архитектору» Гитлеру. Кстати, и он, подобно Геббельсу, взял своей «творческий» реванш и выстроил, наконец, по своим проектам самое безобразное здание в Мюнхене, так называемый «коричневый дом», штаб-кварти-

ру своей банды. Итак, слово Гитлеру. На открытии германского (читай — фашистского) дома искусств в Берлине сей не признанный гений, обращаясь к собравшимся там фашиствующим, но, повидимому, все же недостаточно рьяно воспевающим «новый порядок» художникам, заявил: «либо эти так называемые художники страдают зрительными недостатками, и тогда министерство внутренних дел должно принять меры, чтобы помешать их размножению (читай — стерилизация), либо они недобросовестны и тогда подлежат уголовному кодексу» (читай — заключение в концлагери).

Ну, чем не творческий разговор художника с художником! Чем не пероновские «стансы» перед лицом пылающего рейхстага, то бишь Рима! Чем не новая фашистская эстетика!

Кстати, о фашистской эстетике и Риме. Это было в 1934 году. В Риме произошел международный театральный конгресс.

Состав конгресса был в достаточной степени именитый. Здесь в престоупительной Меттерлинк и Жюль Роман, и Гордон Крег, и Пиранделло, и Ленорман, и Грегор, и многие другие. На мою долю выпала честь быть представителем Советского Союза. И вот на одном из заседаний этого конгресса пресловутый Маринетти, в прошлом футурист — ныне фашист, в качестве основного тезиса своего доклада провозгласил, что «новая эстетика родится на полях сражений». Буря негодования поднялась на скамьях делегатов. По поручению группы стран — Англии, Франции, Югославии, Чехословакии и др., — мною был заявлен решительный протест против безобразных попыток Маринетти подменить понятие эстетики понятием милитаризма. Учитывая явно антифашистское настроение большинства делегатов, председательствовавший на заседании Пиранделло лишил Маринетти слова и сделал заявление, дезавуирующее его выступление. Конгресс продолжался. Но всем было ясно, что отступление Маринетти произошло лишь потому, что он несколько преждевременно выболтал подлинное представление фашизма о «новой эстетике».

Сейчас мы эту «новую эстетику» видим воочию. Сожженные книги, разгромленные города, уникальные здания и храмы, разоренные и разворованные музеи и библиотеки, разрушенные памятники культуры и искусства, трупы женщин и детей, аверски изуродованных, — такова фашистская эстетика в действии.

Она имеет целые банды своих адептов. Вот типичный образец одного из них. Не пишите его имени в энциклопедическом словаре — он не писатель, не художник, не искусствовед, он всего лишь рядовой любитель искусств, всего лишь эфрейтор 304-го пехотного полка Адольф Круц, этот скромный «эстет» по-фашистски. Он пошел в плен, при нем найдены неотправленные письма.

Первое: «Дорогая Гертруда, мне не везет, я рассчитывал попасть ближе к Крыму, мне так хотелось побывать в Феодосии, в картинной галерее Айвазовского. Вместо Крыма я пошел под Москву. Но ты не огорчайся, ведь в Москве Третьяковская галерея, и я уверен, что вместо одного уникала Айвазовского я привезу и Репина и Шишкина. Неплохо бы было создать в нашей коллекции специальный отдел русской живописи».

Второе: «Дорогая, мы Москву все еще не взяли, но скоро возьмем! За лишения, которые я терплю здесь, постараюсь удвоить коллекцию... Сгораю от нетерпения заглянуть в Третьяковскую галерею. Как ты думаешь, не стоит ли нам открыться в Москве своей музей?».

Сейчас, я полагаю, уже оба «эстета», оба эфрейтора и оба Адольфа, и Гитлер и Круц, убедились, что ограбить музей в Москве им не удастся.

3.

Один из их фюреров сказал: «Славяне созданы для физической, но не умственной работы».

И это они смеют говорить о славянах, о русских, о нашей великой стране. О стране Пушкина, Лермонтова и Гоголя, Толстого и Достоевского, Чехова и Горького. Стране Сурикова и Репина, Серова и Врубеля! Стране Глинки, Бородинна и Чайковского, Римского-Корсакова, Прокофьева и Шостаковича! Стране Мочалова и Щепкина, Ермоловой и Станиславского! Стране Белинского, Добролюбова, Герцена и Чернышевского. Стране Ломоносова, Менделеева, Тимирязева, Мичурина, Пирогова и Павлова. Стране Ленина и Сталина! И такую страну они хотят покорить, превратить в рабов, сделать плацдармом для насаждения своей разбойно-расовой горе-культуры!

Не бывать этому! Мы хорошо знаем, что враг еще силен, что идет ожесточенная битва, что впереди еще трудности и чревата серьезными осложнениями борьба, но мы также хорошо знаем, что как бы трудна, сложна и длительна эта борьба ни была, фашизм неминуемо будет разбит и победа будет за нами.

И тогда мы предъявим свой счет Гитлеру.

За все! За предательское нападение на наш Советский Союз, за разрушения наших городов, сел и пашен, за Ясную Поляну и могилу Толстого, за музей Чайковского и Бородинна, за разбитый памятник Шевченко. За все изуверство и варварство фашистских орд на нашей земле, за наших изувеченных отцов, сыновей и братьев, за ненасильственных жен, сестер и дочерей.

Мы расплатимся по этому счету полностью — во имя спасения человечества, во имя свободы, культуры и прогресса!

И тогда наше социалистическое отечество, несмотря на все перенесенные беды, зацветет еще прекраснее!